



УДК: 81-2

**Долгушева Татьяна Владимировна**

кандидат филологических наук, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

e-mail: Aspasiya1971@mail.ru

**Кныш Ирина Сергеевна**

магистр филологии, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

e-mail: Irina86@mail.ru

## ОСОБЕННОСТИ НЕКООПЕРАТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Мақалада В.М.Шукиннің әңгіме қаһармандарының кооперативтік емес сөйлеу мінез – құлқы талданады. Екі әңгіме материалдарында кооперативтік емес қарым – қатынаста қатысатын қаһармандардың негіздеме, мотивтері, адамгершіліктік және құндылықтық нұсқаулары ашылады, мінездердің ерекшелігі анықталады. Авторлар сөйлеу басымдығын өзектендіреді және қарым – қатынастың нақты жағдайларындағы тартыстығын күшейтетін сөйлеу тактикаларын және тілдік құралдарды қарайды.

**Түйін сөздер:** сөйлеу, сөйлеу әрекеті, сөйлеу тактикасы, сөйлеу жағдаяты, кооперативтік емес сөйлеу мінез – құлқы, санамен айла-шарғы жасау, тартысты жағдай.

В статье анализируется некооперативное речевое поведение героев рассказов В.М. Шукшина. На материале двух рассказов раскрываются основа, мотивы, нравственные и ценностные установки героев, участвующих в некооперативном общении, выявляется своеобразие характеров. Авторы рассматривают речевые тактики и языковые средства, которые актуализируют речевое доминирование и усиливают конфликтность в конкретных ситуациях общения.

**Ключевые слова:** речь, речевой акт, речевая тактика, речевая ситуация, некооперативное речевое поведение, манипулирование сознанием, конфликтная ситуация.

The article analyzes the non-cooperative speech behavior of the characters of V. M. Shukshin's stories. The basis, motives, moral and value paradigms of the characters involved in the non-cooperative communication are unfolded on the material of the two stories as well as the characters' originality is revealed. The authors consider the speech tactics and linguistic means that actualize the speech dominance and enhance conflict in specific communicative situations.

**Keywords:** speech, speech act, speech tactics, speech situation, non-cooperative speech behavior, consciousness manipulation, conflict situation.

Приоритетным направлением современной лингвистики является изучение речи в её отношении к человеку. Центром лингвистических исследований становится личность со своими целями, которые

реализуются в межличностном общении, а также условия коммуникативной ситуации, способствующие успешному достижению этих целей. Современные лингвистические исследования направлены на рассмотрение

языка как взаимодействия между говорящими (адресантами) и слушателями (адресатами). Субъект речевой деятельности понимается как носитель ряда конкретных характеристик – психологических и социальных. По мнению Н.В. Дмитриук, необходимо включать в объект исследования лингвистики тот самый «человеческий фактор», который занимает все более прочные позиции во всех областях лингвистических знаний [1, с.49].

Межличностное взаимодействие бывает разным, в нём соединяются языковые и экстралингвистические факторы. Причины некооперативного поведения скрываются в воспитании, в мировоззренческих установках, личностных качествах участников общения (эгоцентризм, противопоставление себя обществу, неприятие того, что не соответствует собственным представлениям о жизни), в культуре человека и др. Трудно не согласиться с позицией Н.Н. Кирилловой, что источником в выборе речевых стратегий и тактик являются нравственные ориентиры и ценности индивида. К ним относятся осознание своего места в социуме; отношение к окружающим; степень открытости в общении; приоритет духовных ценностей (материальных) ценностей и др. [2, с.28].

К некооперативным стратегиям относятся речевые ситуации, в основе которых лежит нарушение правил речевого общения (доброжелательного сотрудничества, искренности, соблюдения доверия (конфликты, ссоры, претензии, угрозы, проявление агрессии, злобы, ирония, лукавство, ложь, уклонение от ответа); ориентируются на тактики угрозы, упрёка, обвинения, порицания, оскорбления и др.

Изучение коммуникативных стратегий (кооперативные и некооперативные) в художественном произведении представляется актуальным, поскольку автор представляет ситуации, встречающиеся и в современной жизни. Подчеркнём, что произведения писателя В.М. Шукшина отличаются диалогичностью, лаконизмом, отсутствием описательных характеристик, накалом эмоций [3]. В речи герои наиболее полно раскрывают свои личностные качества, ценностные ориентиры, нравственные установки. Примечательно то, что во многих рассказах писателя, как и в повседневной жизни, жизни мы встречаемся с некооперативным речевым поведением, и в конкретной речевой ситуации личность

раскрывает какие-либо особенности, подчёркивающие её индивидуальность. Межличностное взаимодействие полифонично, сложно, и далеко не всегда оно осуществляется гладко и предсказуемо. По мнению И.Н. Кавинкиной, при этом «речевая стратегия выбирается говорящим бессознательно. Конфликтное поведение как лакмусовая бумажка проявляет своеобразие языковой личности» [4, с.180].

Рассказ «Ленька» (1962) строится на взаимоотношениях двух молодых людей (Леньки и девушки Тамары), познакомившихся на товарной станции (молодой человек спас Тамару). Поначалу у них сложились дружеские отношения: *Они ходили с Тамарой в поле, за город. Ленька сидел на теплой траве, смотрел на горизонт и рассказывал, какая у них в Сибири степь весной по вечерам, когда в небе догорает заря. А над землей такая тишина! Такая стоит тишина!..*

Формальной причиной разлада стало поведение Тамары, которая, нарушив договорённость пойти в цирк, появилась на улице с другим парнем. Герой, увидев их, испытывает в данный момент напряжённое психологическое состояние: **В груди у Леньки похолодело. Он пересек улицу и пошел вслед за ними. Он долго шел так. Шел и смотрел им в спины. На молодом человеке красиво струился белый дорогой плащ. Парень был высокий.**

**Сердце у Леньки так сильно колотилось, что он остановился и с минуту ждал, когда оно немного успокоится. Но оно никак не успокаивалось. Тогда Ленька перешел на другую сторону улицы, обогнал Тамару и парня, снова пересек улицу и пошел им навстречу. Он не понимал, зачем это делает. Во рту у него пересохло. Он шел и смотрел на Тамару. Шел медленно и слышал, как больно колотится сердце.**

Интересен последующий диалог, отражающий некооперативное речевое поведение Тамары:

– Здравствуй...те! – громко сказал Ленька, останавливаясь перед ними. Правую руку он все еще держал в кармане.

– Здравствуйте, Лень, – ответила Тамара.

Ленька глотнул пересохишим горлом, улыбнулся.

– А я к тебе шел...

– Я не могу, – сказала Тамара и, взглянув на Леньку непонятно, незнакомо прищурилась.

*Ленька сжал в кармане билеты. Он смотрел в глаза девушке. Глаза были совсем чужие.*

*– Что «не могу»? – спросил он.*

*– Господи! – негромко воскликнула Тамара, обращаясь к своему спутнику.*

Традиционное приветствие (*Здравствуй...те!*) произнесено с заминкой, зато Тамара отвечает более чем уверенно, обращаясь к нему на вы (*Здравствуйте, Леня*). Делая над собой усилие, Лёнька все же сумел проговорить фразу, направленную на сближение: *А я к тебе шел*. Тем самым он ещё пытается установить с Тамарой контакт, но безуспешно, так как она блокирует этот контакт: *Я не могу*. Скрытый смысл данного высказывания состоит в следующем: я не хочу с тобой идти в цирк или не пойду с тобой в цирк, так как у меня есть дела поважнее. Попытка установить контакт с Тамарой обречён на коммуникативную неудачу. При этом показательны жесты героя: *Правую руку он все еще держал в кармане* (надеялся на совместное посещение цирка); *Ленька сжал в кармане билеты* (надежды не оправдались); *Он смотрел в глаза девушке. Глаза были совсем чужие*.

Последующие две недели герой жил мучительно: *Две недели жил он невыносимой жизнью. Хотел забыть Тамару – и не мог. Вспоминал ее походку, глаза, улыбку... Она снилась ночами: приходила к нему в общежитие, гладила его волосы и говорила: «Ты хороший. Ты мне очень нравишься, Леня». Ленька просыпался и до утра сидел около окна – слушал, как перекликаются далекие паровозы. Один раз стало так больно, что он закусил зубами угол подушки и заплакал – тихонько, чтобы не слышали товарищи по комнате.*

*Он бродил по городу в надежде встретить ее. Бродил каждый день – упорно и безнадежно. Но заставить себя пойти к ней не мог.*

И потом состоялась последняя встреча молодых людей:

*– Здравствуй, Тамара.*

*Тамара вскинула голову.*

*Ленька взял ее за руку, улыбнулся. У него опять высохло в горле.*

*– Тамара... Не сердись на меня... Измучился я весь... – Леньке хотелось зажмуриться от радости и страха.*

Последующие диалоги показывают, что им и поговорить им не о чем. И после просмотра фильма также не находится предмета для общения:

*– Интересная картина, – сказала Тамара.*

*– Да, – соврал Ленька: он не запомнил ни одного кадра.*

*Из кино шли молча.*

*Ленька был доволен молчанием. Ему не хотелось говорить. Да и идти с Тамарой уже тоже не хотелось. Хотелось остаться одному.*

*– Ты чего такой скучный? – спросила Тамара.*

*– Так. – Ленька высвободил руку и стал закуривать...*

Герой испытывает внутренний дискомфорт от общения с Тамарой, и этот дискомфорт отражается в речевом поведении. Согласно нашим наблюдениям, писатель постоянно акцентирует внимание читателя на глазах Тамары (*усталые, виноватые, потемневшие, жалкие, чем-то обеспокоенные, очень жалкие, сердитые, чужие*) и на её взглядах (*отвела взгляд в сторону, глядела мимо Леньки на светлый край неба, посмотрела ему в глаза и нехорошо зажмурилась*). Уточним, что девушка ни разу не посмотрела на молодого человека открытым, искренним, добрым взглядом, что означает только одно: Тамара всегда была чужой для Лёньки; ей скучно с ним (*Ты чего такой скучный?*).

Мы видим, что скромный и робкий Лёнька в этой части рассказа выбирает некооперативную линию речевого поведения, а мотивом для этого послужило осознание того факта, что Тамара чужой человек, у них нет ничего общего. При этом решается стратегическая задача – сказать девушке о прекращении знакомства:

*Ленька увидел ее глаза. Опустил голову.*

*– Тамара, – сказал он вниз, глухо, – я больше не приду к тебе... Тяжело почему-то. Не сердись.*

*Тамара долго молчала. Глядела мимо Леньки на светлый край неба. Глаза у нее были сердитые.*

*– Ну и не надо, – сказала она наконец холодным голосом. И устало улыбнулась. – Подумаешь...*

Прагматический эффект от сказанного – равнодушный и уверенный ответ: *Ну и не надо, – сказала она наконец холодным голосом.*

Другой рассказ В.М. Шукшина «Волки» (1966) основывается на драматичном, с насыщенной динамикой действия, с накалом эмоций эпизоде: двое сельчан, Наум Кречетов и его зять Иван, отправились в лес за дровами. По дороге на них нападают волки; тесть струсил и бросил Ивана одного. За такое предательство, едва не стоившее Ивану жизни, зять намерен

«отметелить» тестя, который уже вызвал милиционера.

Противостояние двух героев последовательно прослеживается в некооперативном общении с обеих сторон. Как показывает анализ рассказа, Наум Кречетов в общении всегда унижает Ивана, давая понять, что он «выше» своего зятя, хотя социальные роли у героев одинаковые (сельские жители, состоящие в родственных отношениях). Иван не любил тестя, который в свою очередь также «терпел» зятя из-за дочери (*Наум, жалеючи дочь, терпел Ивана*).

Первый диалог демонстрирует напряжённость в отношениях Наума Кречетова и Ивана. При этом инициатива в выборе речевой стратегии принадлежит именно Науму, который намеренно выбирает некооперативную линию речевого поведения (приглашение тестя, обращённое к Ивану, нельзя назвать доброжелательным или вежливым):

– Спишь? – живо заговорил Наум. – Эхха!.. Эдак, Ванечка, можно все царство небесное проспаться. Здравствуйте.

– Я туда не сильно хотел. Не устремляюсь.

– Зря. Вставай-ка... Поедем съездим за дровишками. Я у бригадира выпросил две подводы. Конечно, не за «здорово живешь», но черт с ним – дров надо.

Выбранная тактика упрёка сопровождается недружелюбным обращением (*Ванечка*), а традиционное этикетное приветствие (*здравствуйте*) герой использует в конце высказывания. Как мы полагаем, это определённый тактический приём: сухое приветствие остаётся без ответа, зато Ивана «задело» заявление Наума (*можно все царство небесное проспаться*), а поэтому невежливо отвечает (*Я туда не сильно хотел. Не устремляюсь*).

Писатель представил лаконичные, сдержанные и одновременно семантически и экспрессивно насыщенные высказывания. Так, в ответном высказывании Ивана *Я бы с удовольствием лучше водопровод пошел рыть, траншеи: выложился, зато потом без горя – вода и отопление* актуализируется разговорный глагол *выложиться* (в значении «отдать, истратить все силы на что-либо»).

Максимально выразительны и эмоциональны в рассказе реплики, произносимые в острых конфликтных, даже экстремальных ситуациях: такой ситуацией является схватка с волками. Казалось бы, этот поворот событий должен

сблизить двух героев, поскольку в данных условиях надо было действовать сообща, чтобы не погибнуть. Вместо этого Наум, растерявшись в ситуации, предал Ивана и бросил его один на один с волками. Но Иван всё же проявил выдержку, не поддавшись отчаянию: *и Иван примерился... Прыгнул из саней, схватил топор... Прыгая, он пугнул трех задних волков, они отскочили в сторону, осадили бег, намереваясь броситься на человека...*

Такая непредвиденная и психологически напряжённая ситуация, последующее предательство тестя наоборот ещё больше усиливает конфронтацию в отношениях героев. Чувство страха и отчаяния сменяется злобой на тестя:

– Ваша взяла, – сказал он. – Жрите, сволочи. – И пошел в деревню. На растерзанного коня старался не смотреть. Но не выдержал, глянул... И сердце сжалось от жалости, и злость великая взяла на тестя. Он скорым шагом пошел по дороге. – Ну погоди!.. Погоди у меня, змей ползучий. Ведь отбились бы и конь был бы целый. *Шкура*.

В высказывании Ивана много соответствующей оценочной лексики (грубой бранной), репрезентирующей эмоционально-психологическое состояние героя: *жрите, змей ползучий, икура*. Последний речевой акт угрозы и оскорбления направлен в адрес сбежавшего тестя (*Погоди у меня, змей ползучий. Шкура*).

Кречетов всё же обрадовался тому, что зять живой, хотя «на совести у него было нелегко»:

*Наум ждал зятя за поворотом. Увидев его живого и невредимого, искренне обрадовался:*

– Живой? Слава те господи! – На совести у него все-таки было нелегко.

– Живой! – откликнулся Иван. – А ты тоже живой?

*Наум почуял в голосе зятя недоброе. На всякий случай зашагнул в сани.*

– Ну, что они там?..

– Поклон тебе передают. *Шкура!*..

– Чего ты? Лаешься-то?..

Как показывает диалог, Иван поддерживает некооперативную линию речевого поведения и не скрывает своих намерений, используя речевую тактику прямой угрозы с оскорблениями (*Шкура! Паразит!*), и эта тактика речевого поведения становится доминирующей: *Счас я тебя бить буду, а не лаяться. – Иван подходил к саням. Наум стегнул лошадь*. Ситуация характеризуется быстрой реакцией Наума Кречетова (*стегнул*

лошадь). Инициатива в общении переходит к Ивану, в связи с чем актуализируется целый комплекс речевых тактик:

1) приказа (*Стой, тебе говорят*);

2) обвинения в предательстве (*Мы бы отбились, а ты предал!*), сопровождающиеся взаимными оскорблениями (*змей, оглоед чертов, дьявол*);

3) угрозы (*А то при людях отлуплю*. Или: *Вот отметелю, потом про стыд поговорим*).

В этих репликах героя мы видим целый комплекс слов и выражений с негативными характеристиками и эмоциями, когда нарушаются простые правила общения, а поэтому поддерживается некооперативная линия речевого поведения со стороны обоих героев.

Как мы полагаем, ключевыми являются следующее высказывания Наума Кречетова: *Оглоед чертов... откуда ты взялся на нашу голову! ... Тебя, дьявола, голого почесть в родню приняли, и ты же на меня с топором! Стыд-то есть или нету?* А также: *Учитель выискался! Сопля... Гол как сокол, пришел в дом на все на готовенькое да еще грозитя. Да еще недовольный всем: водопроводов, видите ли, нету!* Наум пытается надавить на совесть (*Стыд-то есть или нету?*); продемонстрировать уступку (*Тебя, дьявола, голого почесть в родню приняли*); затем упрекнуть (*и ты же на меня с топором! Да еще недовольный всем*). Наум не пытается скрыть неприязненного отношения (если не сказать ненавистного) к Ивану, а выражение тестя *Тебя, дьявола, голого почесть в родню приняли* звучит унижительно.

Завершающая сцена, когда встречаются все герои рассказа, несколько не снижает уровня противостояния:

*Его ждали: в избе сидели тесть, жена Ивана и милиционер. Милиционер улыбался:*

– Ну что, Иван?

– Та-ак... Сбегал уже? – спросил Иван, глядя на тестя.

– Сбегал, сбегал. Налил шары-то, успел?

– Малость принял для... красноречия. – Иван сел на табуретку.

– Ты чего это, Иван? С ума, что ли, сошел? – поднялась Нюра.

– Хотел папаню твоего поучить... Как надо человеком быть.

В данном диалоге реализуется всё та же намеченная в начале рассказа конфронтация в отношениях между Иваном и Наумом, а

присутствующий в этой сцене милиционер пытается сгладить ситуацию:

– Брось ты, Иван, – заговорил милиционер, – Ну, случилось несчастье, испугались оба... Кто же ждал, что так будет? Стихия.

– Мы бы легко отбились. Я потом один был с ними...

– Я же тебе бросил топор? Ты попросил, я бросил. Чего еще-то от меня требовалось?

В речевом поведении Ивана актуализируются оценочные речевые акты негативного характера, поддерживающие эмоционально-психологическую напряжённость общения: ... *Самую малость: чтоб ты человеком был. А ты – шкура. Учить я тебя все равно буду.*

В конечном итоге некооперативное поведение Ивана и Наума раскрывает нравственный компонент участников общения. В первую очередь это касается Наума, поскольку налицо его порочная сущность (эгоизм, малодушие и трусость), и эта характеристика заключена в словах Ивана: ... *чтоб ты человеком был. А ты – шкура.*

Полагаем, некооперативное общение – это способ взаимоотношений двух героев, при котором они вынуждены «терпеть» друг друга. При этом стратегическая задача Наума сводится к унижению, оскорблению, укорам и упрекам в адрес Ивана в любых обстоятельствах без видимых на то причин, а мотивом является личная неприязнь к зятю.

Некооперативное речевое поведение главной героини реализуется и в рассказе «Бессовестные» (1970). Полагаем, что в образе Ольги Сергеевны представлен скорее конфликтно-манипуляторский вид речевого поведения, ориентированный на общение, в ходе которого один из участников общения (Малышева) в своих собеседниках видит объект манипуляции (Глухов и Отавина). Главная героиня решает стратегическую задачу: вывести собеседников из психологического равновесия и заставить стариков отказаться от первоначальных намерений. При этом происходит захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать участнику коммуникации свою коммуникативную стратегию и соответственно свое видение реальности [5].

Сюжет рассказа строится на неудачном сватовстве овдовевшего старика Глухова к старухе Отавиной. Ольга Сергеевна Малышева, которая была «помоложе Отавихи и

побашковитей», выступает в качестве «свахи». И именно Малышеву когда-то Глухов любил: *Как-то, тоже по молодости, но уже будучи женатым, Емельян Глухов заперся к Ольге Сергеевне в сельсовет (она работала секретарём в сельсовете) и открыл ей своё сердце. Ольга Сергеевна рассердилась, заплакала и сказала, что после своего орла-комиссара она никогда в жизни никого к себе близко не подпустит.* Всё же они подружились, и старик иногда помогал Ольге Сергеевне по хозяйству.

Когда Глухов принял решение, он просит поддержки и помощи у Малышихи: *В это воскресенье Глухов пришёл к Малышевой без ничего – без топора, без ножовки. Пришёл поговорить. Посоветоваться. Пришёл просить помощи.*

– Я, Сергеевна, за советом. Помогите... Поговорила бы ты с ней – не согласится ли она ко мне в дом перейти? А свою избу пускай продаст. Или так: пускай пока заколотит её, поживём, уживёмся – тогда уж пускай продаёт.

При этом писатель подчёркивает: *Малышева очень была удивлена. Так была удивлена, что сперва не нашлась, что сказать путное.*

Предварительная беседа Глухова с Малышевой завершилась соглашением:

– Ты чего, Сергеевна? – спросил.

– Я ничего. Вы жениться-то надумали, не я. А ты меня спрашиваешь: чего я? Я-то ничего.

– Чего-то сердиться...

– Да нисколько! Вона, буду я ещё сердиться. Женитесь! Поговорить надо с Отавихой? Поговорю...

Примечательно авторское пояснение: *Старик Глухов ушёл от Малышевой с неясным чувством. Какой-то подвох чуял со стороны Малышихи. Странная какая-то старуха, ей-богу. Чего-то всё нервничает, злится. Всех бы она переделала, перекроила... Всех бы она учила жить, всех бы судила. Старик даже подумал: не вернуться ли да не сказать ей, что – не надо никакой её помощи, сам как-нибудь управлюсь. Даже остановился и постоял...*

Как видим, Малышева – женщина нервная, злобная, с завышенным самомнением; она имеет право учить и судить других. Поэтому старик Глухов испытывает весьма неясные чувства после просьбы поговорить с Отавихой. Доминирующую установку в речевом поведении подобной личности (навязывание своего мнения в виде поучений, советов,

диктате) подтверждают слова автора: *Всех бы она переделала, перекроила... Всех бы она учила жить, всех бы судила.*

Малышева выяснила и намерение Отавиной: *Оно бы, конечно, так-то... на старости-то лет... в тепле бы пожить... Не мешало бы.* Сразу последовала реакция Ольги Сергеевны: *Так ты согласная? – изумилась Малышева.* Вопрос со скрытым смыслом: она ожидала другого мнения в виде отказа, несогласия.

Зная намерения своих собеседников, Малышева произносит обличительную речь, направленную на «бессовестных» стариков. Тем самым героиня самоутверждает себя в данной ситуации; она «бросает» обидные слова в «лицо Глухову и Отавиной»:

– Выслушала я вас обоих... Конечно, эта ваша личная жизнь, вы можете сходитьсь... Люди с ума сходят, и то ничего. Но хочу всё же вас спросить: как вам не совестно? А? – Малышева бросала эти слова в лицо Глухову и Отавиной. С какой-то необъяснимой жестокостью, от всего сердца, наболевшего тайной какой-то болью, бросала. Бросала и бросала, как ни краснели, ни вертелись на месте, как ни страдали эти, потерявшие всякую совесть жених и невеста. – Как же вы после этого на белый свет глядеть будете? А? Да люди всю жизнь живут одинокие... Я всю жизнь живу одинокая, с двадцати трёх лет одинокая... А что, ко мне не сватались? Сватались. Не ходили по ночам, не стучали в окошко? Ходили. Стучали. Ты, Глухов, не приходил ко мне в сельсовет, не говорил, что жить без меня не можешь? Не приходил? Ну-ка, скажи.

В данной речи героиня использует тактику порицания: *... как вам не совестно? А? Как же вы после этого на белый свет глядеть будете? А?*

Для Ольги Сергеевны особую ценность представляет собственный жизненный опыт, который она пытается поставить в пример: *Я всю жизнь живу одинокая, с двадцати трёх лет одинокая... А что, ко мне не сватались? Сватались.* В данном случае героиня актуализирует своё я, одинокую жизнь с двадцати трёх лет. Она гордится тем, что «все мужики не стоят мизинца её незабвенного комиссара. И так она всех напугала этим своим комиссаром, что к ней и другие боялись подступиться».

Как манипулятор Ольга Сергеевна не испытывает уважения к адресату своего

высказывания, считая его по интеллектуально-нравственным качествам ниже себя, а поэтому легко продолжает «отчитывать» стариков: *Какой же вы пример подаёте молодым! Вы об этом подумали? Вы свою ответственность перед народом понимаете? – Малышиха постучала сухими костяшками пальцев по столу. – Задумались вы над этим? Нет, не задумались. Эгоисты. Народ сил своих не жалеет – трудится, а вы – со свадьбой затеетесь... на вытывку людей соблазнять и на лёгкие отношения. Бессовестные.*

Конечно, данные слова не могли не задеть Глухова, который «готов был сквозь землю провалиться», и Отавину. Более того, старик пытается как-то объясниться за неудачное сватовство в молодости к Ольге Сергеевне, хотя это происходит неуверенно, невнятно, фрагментарно и обрывочно, так как он не знает, что сказать: *Я по дурости... вытывиши был, – признался он. – Я не сватался... Чего ты? Зря-то. Я, мол, в те годы, когда-то...*

Малышева последовательно реализует тактику унижения и оскорбления с использованием речевых актов с негативной оценкой, оказывая речевое и психологическое давление на собеседников: *Совсем, как... подзаборники. Тьфу! Животные.*

Прагматический эффект от произнесённой речи состоит в эмоциональной реакции Глухова (не вытерпел и эмоционально выругался): *Ну, это!.. знаешь! – взорвался старик. – Пошла ты к... – и выругался матерно. И вышел вон, крепко хлопнув дверью.* Примечательно то, что «за ним следом вышла и Отавиха; вылетели, как ошпаренные; и плевался, и матерился, места не мог найти; сгоряча даже подумал: «Подожгу стервозу такую». Отношения между героями испорчены: старик Глухов перестал к ней ходить; не здоровался с Малышихой; Отавиха также страдала, избегала встреч с Малышевой.

Как мы полагаем, Ольга Сергеевна с нарушением этических правил, весьма эмоционально, решает стратегическую задачу: заставить стариков отказаться от своих первоначальных намерений. Главная героиня рассказа по личной причине стремилась не допустить этого (ведь именно её когда-то любил Глухов, но до свадьбы дело не дошло, так как «все мужики не стоили её комиссара»). Особенности речевого поведения Малышевой представлены в следующей схеме:

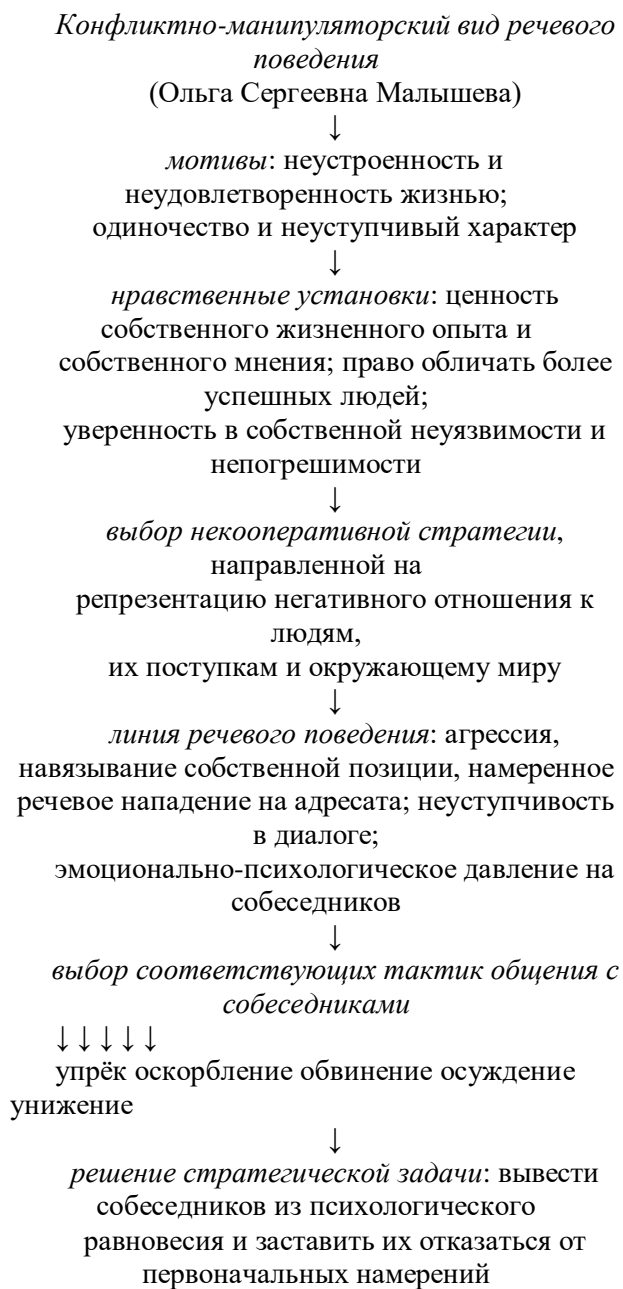


Схема 1 – Конфликтно-манипуляторский вид речевого поведения главной героини рассказа «Бессовестные»

Как считает Г.Г. Хисамова, речевое поведение Малышевой свидетельствует о её психологической ущербности, подчёркивает драму одинокого человека, страдающего от собственной неуступчивости, эгоизма, узости взглядов, сомнения, от своего вздорного характера [6, с.53].

Таким образом, анализ рассказов В.М. Шукшина показал, что некооперативное речевое поведение позволяет проследить за изменением в оценке и понимании человека, что

показано в рассказе «Лёнька»: оно явилось стимулом для понимания того, что Тамара всегда была к нему равнодушной, и принять решение о прекращении общения.

Выбор некооперативного речевого поведения позволяет раскрыть порочную сущность героя, в частности Наума Кречетова, так как он не ценит Ивана как человека. Но это вовсе не означает, что Иван – плохой человек. Наоборот, схватка с волками подтверждает, что он проявил выдержку, не поддавшись

отчаянию. А выбор им некооперативной стратегии – вынужденная ответная реакция на постоянные унижительные и оскорбительные нападки тестя («Волки»).

Героиня из рассказа «Бессовестные» Ольга Сергеевна Малышева представляет конфликтно-манипуляторский вид речевого поведения: создавая конфликтную ситуацию, она вправе вмешиваться в жизнь других людей, управлять ими, и в конечном итоге добиваться своей цели.

#### Список использованной литературы

1. Дмитриук Н.В. Антропоцентризм в лингвистике: человеческий фактор в исследовании языка // Русское и сопоставительное языкознание: тенденции и перспективы развития: Материалы международной научной конференции. – Алматы, 2007. – С.48-52.
2. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – №1. – 2012. – С.26-33.
3. Шукшин В.М. Полное собрание рассказов в одном томе. – М.: Эксмо, 2012.
4. Кавинкина И.Н. Психоллингвистика. – Гродно, 2009. – С.176-185.
5. Дацюк С.В. Коммуникативные стратегии моделируемых коммуникаций. – М., 2006.
6. Хисамова Г.Г. Речевое поведение героев рассказов В.М. Шукшина // Русская речь. – 2004. - №4. – С.51-55.

#### Долгушева Татьяна Владимировна

**Лауазымы:** филология ғылымдарының кандидаты, филология кафедрасының аға оқытушысы, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.

**Пошталық мекен-жайы:** 071401, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Шәкәрім көш. 150 үй, 33 пәтер

**Ұялы тел.:** +7 777 526 64 55

#### Кныш Ирина Сергеевна

**Лауазымы:** филология магистрі, филология кафедрасының оқытушысы, Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.

**Пошталық мекен-жайы:** 071409, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Аягөз көш. 51 үй

**Сот.тел.:** +7 708 922 52 35

#### В. М. Шукшиннің әңгімелеріндегі кейіпкерлердің оперативтік емес сөйлеу тәртібінің ерекшеліктері

#### Долгушева Татьяна Владимировна

**Должность:** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г.Семей

**Почтовый адрес:** 071401, Республика Казахстан, г.Семей, ул. Шакарима, д.150, кв.33

**Сот.тел.:** +7 777 526 64 55

#### Кныш Ирина Сергеевна

**Должность:** магистр филологии, преподаватель кафедры филологии, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г.Семей

**Почтовый адрес:** 071409, Республика Казахстан, г.Семей, ул. Аягузская, д.51.

**Сот.тел.:** +7 708 922 52 35

#### Особенности некооперативного речевого поведения персонажей в рассказах В.М. Шукшина

#### Dolgusheva Tatiyana Vladimirovna

**Position:** Candidate of Philological Sciences, senior lecturer of Department Philology, Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey city

**Mailing address:** 071401, Republic of Kazakhstan, Semey, Shakarim str., 150, apt. 33

**Mob.phone:** +7 777 526 64 55

#### Knysh Irina Sergeevna

**Position:** Master of Philology, lecturer of Department Philology, Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey city

**Mailing address:** 071401, Republic of Kazakhstan, Semey, Ayagoz str., 51

**Mob.phone:** +7 708 922 52 35

#### Features of non-cooperative speech behavior of characters in the stories of V.M. Shukshin